

Китайцы

на Среднем Урале
в конце XIX – начале XXI в.

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(235.55)
К 18

Автор:
Каменских Михаил Сергеевич

Перевод на китайский язык
Вань Нин

Научные редакторы:
доктор исторических наук **А. В. Черных**,
доктор исторических наук **Г. Е. Корнилов**

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. **В. Г. Дацьшен** (г. Красноярск),
канд. ист. наук, доц. **С. В. Смирнов** (г. Екатеринбург)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
и археологии УрО РАН.

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект «Этническая история и традиционная культура народов Урала в XVI – начале XXI в.» № МД-590.2009.6.

В монографии на основе не публиковавшихся ранее архивных материалов, материалов периодических изданий и этнографических источников рассматриваются особенности формирования, становления и развития китайской этнической группы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. Впервые рассмотрены основные этапы формирования и миграций китайцев на Средний Урал, их численность и расселение, особенности сохранения национальной культуры и адаптации в местном сообществе.

Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии, будет интересно и широкому кругу читателей, неравнодушных к истории и этнической культуре Китая.

ISBN 978-5-91076-046-6

© Каменских М.С., 2011.
© Издательство «Маматов»,
оформление, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX в. – ДО 1918 г.	34
1.1. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XX в.	34
1.2. Китайцы на Урале в годы Первой мировой войны.....	46
1.2.1. Обстоятельства приезда и численность китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны.....	48
1.2.2. Законодательство и политика местных властей в отношении китайцев	56
1.2.3. Условия труда и сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны	65
1.2.4. Конфликтные ситуации в организации труда и проблемы побегов китайцев с заводов Среднего Урала.....	75
1.2.5. Быт китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны	91
ГЛАВА II. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ПЕРИОД С 1918-го ПО КОНЕЦ 1930-х ГОДОВ	114
2.1. Политика советской власти в отношении китайцев	114
2.2. Китайцы на Среднем Урале в годы Гражданской войны	122
2.3. Китайцы Среднего Урала в 1920-е годы.....	130
2.3.1. Социально-демографические характеристики и численность китайцев	130

2.3.2. Сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в 1920-е годы	136
2.3.3. Повседневная жизнь, быт и проблемы адаптации китайцев на Урале в конце 1920-х годов	139
2.4. Положение китайцев на Среднем Урале в 1930-е годы	142
ГЛАВА III. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ЭПОХУ «БОЛЬШОЙ ДРУЖБЫ»	
(начало 1950-х – середина 1960-х годов).....	160
3.1. Китайские студенты в вузах Среднего Урала.....	163
3.2. Китайские рабочие на Среднем Урале в 1950-х – середине 1960-х годов	168
3.3. Положение китайцев на Среднем Урале после окончания «Большой дружбы»	193
ГЛАВА IV. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В КОНЦЕ 1980-х – КОНЦЕ 2000-х ГОДОВ	
206	
4.1. Начало новой иммиграционной волны из Китая.....	206
4.2. Проблемы численности и нелегальной миграции китайцев на Среднем Урале, политика местных властей в отношении граждан КНР.....	213
4.3. Сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в 1990-е – начале 2000-х годов.....	224
4.4. Быт, культура, проблемы адаптации китайцев Среднего Урала в 1990-х – начале 2000-х годов	230
4.5. Современное состояние китайской этнической группы Среднего Урала	241
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	291
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	294
简述. 乌拉尔地区华人史.....	349

圖克恰

Глава I

Китайцы на Урале

в период с конца XIX в. до 1918 г.

俄國地方傭工所過俄

ГЛАВА I

КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX в. – ДО 1918 г.

Первый период пребывания китайцев в России относится к концу XIX – началу XX в. Иммиграция из Китая в это время происходила по двум причинам: прибывшие китайцы либо занимались транзитной торговлей, либо работали в качестве наемных рабочих. В годы русско-японской войны китайцы, оказавшиеся на момент начала боевых действий на Дальнем Востоке, жившие на Дальнем Востоке, были водворены в центральных губерниях страны, в том числе в Пермской губернии.

В годы Первой мировой войны в связи с дефицитом рабочих рук на оборонные предприятия страны было призвано свыше 100 тыс. китайцев. Особенности иммиграционных процессов и пребывания китайцев в России в этот период можно проследить и на примере Пермской губернии.

Имеющиеся источники позволяют всесторонне осветить обстоятельства приезда, численность, занятия, отношения с местным населением, повседневную жизнь и особенности проявления менталитета китайцев на Среднем Урале в этот период.

1.1. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Первые сведения о китайцах на Среднем Урале относятся к концу XIX в. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в графе «иностранные подданные» было записано 7 китайцев. Все семеро проживали в Екатеринбурге¹. Кроме этого, в г. Ирбите двое из постоянно проживавших указали на китайский язык в качестве родного, т. е., скорее всего, тоже были китайцами². Учитывая, что в начале XX в. китайские купцы вели в Рос-

сии активную торговлю, можно предположить, что эти два человека из Ирбита торговали традиционными для Китая товарами – тканями и одеждой.

В целом, в конце XIX в. о китайцах в регионе почти ничего не было известно. Реально заметными китайцы на Среднем Урале стали в 1904–1905 годах, когда Пермская губерния стала одним из мест «водворения» китайцев, высланных в годы русско-японской войны с театра военных действий на Дальнем Востоке.

Очевидно, что еще до начала русско-японской войны власти Российской империи, особенно в дальневосточных губерниях, столкнулись с фактами массовой нелегальной миграции, и отношение к китайцам можно определить, как весьма осторожное. Китайцы на российском Дальнем Востоке в начале XX в. подчинялись общим для всех иностранцев правилам въезда и проживания: при переходе границы они должны были предъявлять национальные паспорта, визированные русским консульством за границей. Если виза в паспорте отсутствовала, ее ставили пограничные власти. Однако с 1902 г. порядок визирования был изменен. Из-за прибывавшего в край большого количества преступников визирование паспортов на въезд китайцев в пределы Российской империи было поручено исключительно представителям МИДа за границей. Все это требовало дополнительного времени и затрат. По этой причине усилился поток нелегальной иммиграции³.

В случаях обнаружения китайцев, проживающих под чужими паспортами и билетами, выяснялось, что часто предъявленные документы были вручены отнюдь не их владельцам, причем китайцы, получившие чужие паспорта, не придавали этому значения и проживали по ним: «Высылка за границу китайцев, нарушавших паспортный режим, беспаспортных или безбилетных, не приносила должных результатов, так как они через некоторое время снова переходили границу и появлялись на территории края»⁴.

С началом русско-японской войны пересечение границы китайцами было ужесточено. 14 февраля 1904 г. (через несколько дней после начала военных действий) российским правительством были изданы Правила, которыми Россия намерена руково-

дствоваться во время войны с Японией. В документе, помимо прочего, говорилось, что «подданным Японии разрешается, под защитой действующих законов, продолжать во время войны свое пребывание в пределах Империи, за исключением областей, входящих в состав наместничества на Дальнем Востоке»⁵. Тех, кто на момент начала боевых действий оказался на Дальнем Востоке, во избежание случаев шпионажа арестовывали. В январе 1905 г. петербургский журнал «Нива» сообщал: «Когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий корейцам и японцам [сюда же относятся и китайцы. – М. К.] было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не пожелали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России»⁶. Судя по дальнейшему развитию событий, даже с мирными гражданами решили поступать как с военнопленными. Их арестовывали, а затем подвергали водворению в глубь страны. С этого момента к арестованным начинают применять термин «водворенные» или «высланные с театра военных действий»⁷. О неожиданно начавшихся арестах пишет в своей книге японский исследователь Хасэгава Син. По его словам, «до этого дня [14 февраля. – М. К.] они считались резидентами, с этого момента отношение к ним изменилось. С ними начали обращаться как с пленниками»⁸. Как видно из писем самих арестованных, направленных на имя Пермского губернатора, аресты коснулись не только японцев, заключению подлежали и китайцы, и корейцы⁹, как принадлежащие к категории «желтолицых»¹⁰.

Когда стало понятно, что война затягивается, а количество арестованных растет, 13 мая 1904 г. Совет Министров Российской империи издал за подписью императора «Временное положение о военнопленных русско-японской войны», в котором местным властям была дана инструкция о том, как нужно вести себя с арестованными «желтолицыми» на период военных действий. В документе сообщалось, что «военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте, с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключению под стражу

деленные границы; но собственно заключению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличии особой к тому необходимости»¹¹.

Одним из мест водворения по решению Министерства внутренних дел стала Пермская губерния. Точная дата прибытия первой партии арестованных неизвестна. 2 июня 1904 г. «Пермские губернские ведомости» писали: «На днях в Пермь прибывает партия японцев в количестве 308 человек: из них мужчин 308, женщин 150, детей 20. В партии кроме японцев находятся еще 13 китайцев и 15 корейцев. Вслед за этой партией прибудет еще одна в количестве 409 человек. Все они будут расселены в пределах Пермской губернии»¹². А 8 июня газета сообщала о том, что «мирные пленники» уже размещены в Перми¹³.

Пермский губернатор А. П. Наумов получил 12 июня 1904 г. с грифом «секретно» телеграмму министра внутренних дел В. К. Плеве, который сообщал, что прибывших в губернию нужно направлять «преимущественно в города, расположенные на железной дороге и водных путях»¹⁴. А 9 августа 1904 г. А. П. Наумов получил с припиской «Срочно. Секретно» Высочайший указ Его императорского величества, в котором сообщалось, что «начальником губернии должна быть представляема ежемесячно ведомость с точными сведениями о числе и месте водворенных в Империи военнопленных «желтолицых» с подразделением на национальности»¹⁵. Во исполнение этого указа Департамент полиции МВД потребовал от губернатора доставлять «по телеграфу к первому числу каждого месяца точные сведения о прибывших во вверенную вам губернию удаленных с Дальнего Востока желтолицых с указанием мест водворения в губернии с подразделением на японцев, китайцев и корейцев»¹⁶.

Первых из прибывших китайцев расселили в Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Оханске и Соликамске¹⁷. В этих городах многие из них прожили до конца войны.

К началу сентября 1904 г. в Пермской губернии уже находилось около 700 японцев и до полутора сотен китайцев и корейцев¹⁸. Присвоенный им статус водворенных подразумевал казен-

ное содержание. На ходатайство пермского губернатора от 25 августа 1905 г. Департамент полиции МВД ответил, что на содержание высланных с театра войны японцев и китайцев выделено «3010 р. 96 к., в том числе 297 р. 36 к. на довольствие 443 лиц низших состояний, 27 р. 60 к. – других лиц привилегированного сословия, по расчету на три месяца, начиная с первого минувшего июля, и 9 рублей квартирных, считая по пять копеек в сутки лицам только высшего сословия, так как лицам низших состояний 513, 514 ст., 2 ч., Т. 16 пособия определены в размере одной арестантской дачи, без квартирных»¹⁹. В разные периоды заключенным полагалось содержание от 7 до 9 коп. в сутки²⁰.

Таким образом, очевидно, что в первые дни войны перед российскими властями возникла проблема статуса мирных японцев, китайцев и корейцев, арестованных на Дальнем Востоке после начала военных действий. Правительство приняло решение относиться к ним как к простым военнопленным, которых «Временное положение» разрешало водворять в глубине страны. Попавшим в водворение выдавалось необходимое пособие, определялось место для жительства, местные власти обязывались следить за соблюдением их прав.

Японцы пробыли в водворении недолго. В сентябре 1904 г. все они были выкуплены своим правительством. В своем отчете в Департамент полиции МВД 7 октября 1904 г. пермский губернатор писал, что «за отправлением японцев за границу в Пермской губернии желтолицых (корейцев и китайцев) осталось с вновь прибывшими в течение сентября – всего 131 человек: Пермь – 68, Оханск – 42, Соликамск – 12, Камышлов – 9. 5 октября прибыли еще 127 человек, все водворены в Перми»²¹.

Позднее данные о численности китайцев и корейцев ежемесячно уточнялись, но общая цифра держалась в пределах 300–500²², из которых примерно треть составляли китайцы. Возможно, эта цифра не кажется впечатляющей, но для Перми того периода, с населением 70 000 человек²³, это было существенно, особенно с учетом того, что пленные проживали компактно и вызывали постоянный интерес местного населения.

Информацию о социальном составе водворенных китайцев содержат «Требовательные арестантские ведомости»²⁴. Все 27 китайцев, сведения о которых отражены в документах, были мужчинами, двое из них – холостыми. Средний возраст холостых – 20–25 лет, женатых – 38–43 года. Среди занятий упомянуты чернорабочие (17), столяр (1), циркачи (4), акробаты (5).

Подозрения водворенных в шпионаже себя не оправдали. Когда возникла необходимость проверить, не являются ли «пленники» шпионами, уездные исправники заверили губернатора, что «все желтолицые ведут себя одобрительно и каких-либо отношений, могущих дать повод подозревать их в шпионаже, не замечается»²⁵. Из этих данных видно, что в «плен» попадали обычные рабочие-«отходники» или торговцы (30 мая 1905 г. о своем незаконном аресте писали губернатору китайские подданные купцы Тай Сичи, Тянь Шипо, Ли Ванкуй, оказавшиеся в городах российского Дальнего Востока на начало войны)²⁶.

Китайцы быстро смогли адаптироваться в принимающей среде. Так, один из них, по имени Сань Досань, 1 сентября 1904 г. обратился к губернатору с просьбой об открытии китайского театра для представлений на Дровяной площади в г. Перми. Помощь в организации ему должен был оказать специально нанятый им крестьянин Федор Рудаков. Свою труппу Сань Досань описал следующим образом: «...труппа наша пользовалась большим успехом в Чите, Иркутске и Томске и что в представлениях наших, кроме физико-магических, гимнастико-акробатических и жонглоро-балансировочных упражнений, ничего возмутительно не имеется»²⁷. Этот случай занятия «пленников» цирковым делом не был единственным. Когда Сань Досань попросил разрешения отправиться с представлениями в другие города губернии, пермский полицмейстер отказал ему, так как «в названных городах уже находились акробаты китайцы»²⁸. Известно также о цирковой труппе китайца Ван Лифрая, который за год успел объездить с представлениями Мотовилиху, Кунгур, Нытву, Лысьву и Добрянку²⁹. Свою группу циркачей собрал китаец Лю Цей (хотя в «Требовательных ведомостях» он числился как «чернорабочий»).

14 октября 1904 г. он обратился к губернатору с просьбой о поездке на ярмарку в с. Частые «на предмет открытия в то время русско-китайского театра». Причем ему также оказывал помощь русский крестьянин из Осы Кузьма Головин³⁰. Позже, 22 октября 1904 г., Лю Цей обратился к губернатору с аналогичной просьбой, но уже о поездке в Екатеринбург. Через неделю китайцы Ван Юсаюсу и Фу Хуньча просили «разрешить... переезд в город Екатеринбург для участия в русско-китайском театре, открываемом в Екатеринбурге единокордцем Лю Цей и др.»³¹.

Об одной из групп китайских циркачей 6 апреля 1905 г. писали «Пермские губернские ведомости»: «Некоторые из проживающих у нас в Перми китайцев зарабатывают деньги показыванием фокусов, – сообщалось в газете. – Взрослого китайца обыкновенно сопровождает китаец-мальчуган, который проделывает на особой скамейке различные гимнастические упражнения. После этого номера, называемого на цирковом языке «человеком-змеей», из особого сосуда извлекаются китайцем настоящие змеи, вывезенные им с родины. С ними он проделывает различные номера своего репертуара. Змеи не пользуются у зрителей успехом, так как обыватель труслив и не привык видеть подобное существо в комнатной обстановке»³². Данные факты свидетельствуют, что китайские цирковые группы довольно быстро начали пользоваться спросом у местного населения.

Находясь в течение лета в крупных городах, китайцы также легко могли найти себе заработки на полевых работах, однако с приближением зимы стало очевидно, что предлагаемое им государственное содержание (для большинства 9 коп. в сутки без квартиры) не могло быть удовлетворительным. Об этой проблеме в своем отчете впервые упомянул оханский уездный исправник 30 августа 1904 г.: «...заработки желтолицых крайне неопределенны и разнообразны и обслуживаются они требованием на каждый день... Предполагаю, что прекращение полевых работ в скором времени вызовет необходимость выдавать кормовые всем желтолицым, равно озаботиться обеспечением их квартирой и теплой одеждой ввиду приближения зимнего времени»³³. Получая ог-

ромное количество ходатайств от пленных по этому поводу, пермский губернатор проявил о них заботу: всем уездным исправникам было направлено распоряжение в течение 25–26 октября 1904 г. раздать корейцам и китайцам шапки, полушубки, валеные сапоги, женщинам – женские шубы, на что из правительственного кредита были выделены необходимые средства³⁴. А 13 ноября 1904 г. А. П. Наумов лично писал земскому начальнику второго участка Соликамского уезда, что «ввиду полученного мною по телеграфу ходатайства проживающих в с. Усолье китайцев – дать им работу, так как они испытывают холод и нужду»³⁵.

Однако выделяемых средств все равно было недостаточно. В поисках работы китайцы и корейцы согласны были отправиться на заводы в качестве чернорабочих. Упомянутый выше Лю Цей, видимо, не имея работы в качестве циркача зимой, обратился к губернатору с просьбой разрешить ему и еще 23 китайцам подрядиться работать в зимнее время на железную дорогу³⁶. Другие китайцы также легко устраивались на работу, отказываясь от нее только в крайних случаях³⁷.

В целом, жившие в годы русско-японской войны в Пермской губернии китайцы смогли адаптироваться в системе трудовых отношений и заняли в ней определенную нишу – устраиваемые даже китайцами-непрофессионалами цирковые представления пользовались у местных жителей большой популярностью.

Что касается политики местных властей в отношении китайцев, то она не была однозначной. С одной стороны, администрация пыталась войти в тяжелое положение водворенных и помогала им, а с другой, исполняя установки центральных властей, жестко их контролировала.

Так, с января 1905 г., ввиду начавшейся в России революции, допускаемое ранее передвижение китайцев по губернии было строжайше запрещено, просьбы об устройстве на работу вдали от мест вселения не удовлетворялись. Опасаясь диверсий, Департамент полиции МВД запретил водворенным устраиваться на железную дорогу: «...желтолицые не только не должны быть допускаемы к работам на железнодорожном пути, но их не следует и

селить вблизи железной дороги»³⁸. В этой связи на поданное ранее прошение об устройстве на работу упоминавшийся выше китаец Лю Цей получил отказ. Исключения для передвижений делались только в отдельных случаях.

Для того чтобы отбыть в другой город, китайцы должны были отправить персональное прошение на имя губернатора, а он уже принимал решение о разрешении. Если оно давалось, водворенные должны были отмечаться в месте отбытия и месте прибытия, а местные власти – отправлять отчет об этом полиции. Так, к разрешению группе китайских акробатов Ван Лифрай, Фу Шунтай, Ван Шаз и Ян Куй отправиться в Нижний Тагил с цирковыми представлениями губернатор приписал: «...о выбытии названных лиц в означенный завод сообщить в канцелярию и уведомить местного уездного начальника... Самим же отъезжающим выше поименованным китайцам внушить, что по прибытию в Нижнетагильский завод они прежде всего должны явиться к местному полицейскому чиновнику»³⁹. На что екатеринбургский полицмейстер ответил: «Для установления за ними надзора полиции мною сообщено местному уездному исправнику сего числа»⁴⁰.

В большинстве же случаев на просьбу о передвижении ответ губернатором давался один и тот же: «...объявить, что ходатайство их мною оставлено без удовлетворения»⁴¹. Характерно, что большинство ходатайств и отказов на них было подано в мае–июне, когда в России, и в частности в Перми, шла революция⁴². Доходило даже до того, что исправники отказывали китайцам в их прошениях, не дожидаясь ответа губернатора. Так, соликамский уездный исправник М. Д. Плахов 15 июня 1905 г. по поводу просьбы пяти китайцев о выезде в Пермь для поисков работы писал губернатору следующее: «Имея в виду, что по аналогичным прошениям других желтолицых со стороны Вашего превосходительства последовал отказ – ходатайство указанных китайцев мною отклонено»⁴³.

Кроме места для водворения, Пермская губерния была еще и конечным пунктом для всех китайцев, японцев и корейцев, пытавшихся выехать на родину с запада России, в том числе тех, кто

не имел к войне отношения – например, купцов, занимавшихся в России торговлей. Их арест, как правило, происходил по следующей схеме: всех пытавшихся уехать в Китай останавливали в Омске или Иркутске, а оттуда отправляли на водворение в Пермскую губернию. Попытки оказавшихся на Урале китайцев восстановить свои права властями пресекались. Так, 30 мая 1905 г. китайские подданные купцы Тай Сичи, Тянь Шипо, Ли Ванкуй обратились в канцелярию со следующим письмом: «Окончив торговлю шелковыми материями в Москве и получив разрешение московской полиции, выехали на свою родину. В Иркутске мы были без всякой вины отправлены сюда, в Пермь... В Москве у нас организована своя торговля, и поэтому мы находим, что арест нас и отправка сюда были незаконными». Ответ губернатора на их ходатайство о выезде был стандартным – отказ⁴⁴. На попытки котласского уездного исправника добиться выезда упомянутых китайцев из Перми (поскольку они занимались торговлей и в Котласе), пермский губернатор ответил: «разрешение выезда китайских подданных не зависит от губернаторской власти и ходатайством такого порядка надлежит обращаться к МВД»⁴⁵. И подобная история была не единственной⁴⁶.

Отношение же местного населения к водворенным было в целом доброжелательным. Жители губернии с большим интересом наблюдали за ними, особенно в первые месяцы их пребывания. «Пермские губернские ведомости» неоднократно отмечали, что «враждебности к «желтолицым» со стороны населения нет»⁴⁷. Единственное, что стесняло пленников, – любопытство местных жителей, никогда еще так близко не сталкивавшихся с таким большим количеством иностранцев. «Конечно, обыватели города относятся к этим редким гостям с превеликим любопытством, но благоразумие все-таки требует, чтобы не надоедать «мирным пленникам» своим любопытством», – писали через несколько дней после прибытия первой партии «Пермские губернские ведомости»⁴⁸.

Были и единичные случаи конфликтов. Китайцы Юлан Су и Лю Минцзы 5 мая 1905 г. обратились в канцелярию губернатора

со следующей жалобой: «Живя в городе Перми, мы нередко подвергаемся оскорблениям со стороны пьяных или хотя и трезвых, но грубых людей, которые не только ругают нас, но иногда бросают в нас камнями, толкают нас и даже бьют»⁴⁹. Следующий серьезный конфликт произошел в Соликамске. К полицейскому надзирателю города Соликамска 14 сентября 1905 г. явились водворенные в городе китайцы Фу Дуцзинь, Фу Дулин и мальчик Му Ань и заявили, что около их квартиры первому из них, Фу Дуцзиню, какой-то неизвестный человек нанес побои. На голове у Фу Дуцзиня были заметны незначительные раны. По результатам расследования оказалось, что побои китайцу нанес местный крестьянин Михаил Семенович Зибзеев. В своем отчете соликамский надзиратель указал, что когда Зибзеев возвращался домой с малолетней дочерью, ему навстречу выбежал пьяный китаец и стал махать перед ним палкой и оскорблять его. Тогда Зибзеев не выдержал, выхватил у китайца палку и стал его избивать⁵⁰. В конце отчета исправник поспешил заверить губернатора, что «описанный случай... не может быть назван следствием какого-либо враждебного отношения к нему [Фу Дуцзиню. – М. К.] местного населения, как китайцу»⁵¹.

Однако, несмотря на единичные случаи конфликтов, можно признать, что откровенной враждебности к водворенным «желтолицым» местное население не испытывало. С течением времени китайцы все более уживались в новой среде. Однако начавшиеся в середине лета 1905 г. мирные переговоры остановили процессы их интеграции на территории Пермской губернии. Последняя партия арестованных прибыла в Пермь 31 июля 1905 г.⁵² После подписания Портсмутского мира пребывание китайцев и корейцев в Пермской губернии не было необходимо⁵³. Уже 11 августа 1905 г. пермский губернатор отвечал на ходатайство МИД: «...китайцы высланы в Пермь с Дальнего Востока распоряжением военного начальства, причин высылки и сведений не имею, препятствий высылки их с моей стороны нет»⁵⁴.

Фактически пребывание китайцев на Среднем Урале в годы русско-японской войны не является характерным для всей стра-

ны и не может рассматриваться в качестве отдельной иммиграционной волны. Однако именно этот период можно считать первым опытом межкультурного общения местного сообщества с большим количеством китайцев. Период 1904–1905 годов также демонстрирует модели адаптации, характерные для китайцев в России начала XX в.

После того как закончилась русско-японская война, численность китайцев как в России, так и в Пермской губернии снизилась. В этот период живущие в России китайцы, как правило, занимались торговлей в различных городах. Так, «Пермские губернские ведомости» в августе 1906 г. сообщали о нескольких китайцах, которые предлагали посетителям Черного рынка [ныне – Сквер уральских добровольцев г. Перми. – М. К.] услуги по очистке зубов: «Многие из публики соглашались на эту операцию, каковая... производилась посредством инструмента, похожего на тамбурную вязальную иглу. Операции производились весьма быстро и ловко»⁵⁵. Скорее всего, эти китайцы являлись заезжими купцами.

В дальнейшем «китайский вопрос» в Пермской губернии возник только накануне Первой мировой войны. По инициативе нового губернатора И. Ф. Кошко в середине 1913 г. была проведена проверка живущих здесь китайцев, поскольку, по его мнению, в 1913 г. в Пермской губернии стал заметен «большой наплыв желтолицых». В этой связи губернатор обратился к каждому из уездных исправников с циркуляром, в котором требовал «совершенно секретно, тактично и крайне осторожно выяснить в отношении всех находящихся в вверенном Вам районе желтолицых, с какой целью они в данной местности появились, чем занимаются, на какие средства существуют, с кем ведут знакомство или вообще какие-либо сношения, не держат ли каких-либо отлучек, куда и с какой целью, не получают ли какой-либо корреспонденции, обращают ли на себя внимание ... установить за ними для выяснения всего этого тщательное, но, безусловно, конспиративное наблюдение»⁵⁶.

На данный запрос сохранились только ответы пермского полицмейстера (возможно, других не было), который сообщил, что в Перми живет китаец Туд-за, привезенный в Пермь после боксерского восстания и работающий в пивной лавке⁵⁷. Еще один китаец, Фан Дэлин, был задержан на рынке за незаконную торговлю. «По лично проведенной мною проверке на указанном толчке (Сенной площади) поданным Линь показывается панорама, в которой, как обнаружено, имеется три двойных картины. В каждой из них одна верхняя обыкновенная, а другая, нижняя, действительно порнографического содержания», – сообщал в рапорте пермский уездный исправник⁵⁸. Позднее Фан Дэлин был арестован и отправлен в Китай без права дальнейшего возвращения.

В целом в период 1905–1913 годов сохранилось только несколько единичных упоминаний о китайцах. Однако нужно подчеркнуть, что в 1913 г. власти уже стали обращать внимание на китайцев, поскольку в это время их численность в Российской империи снова начала увеличиваться.

1.2. КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К моменту начала Первой мировой войны позиция правительства в «китайском вопросе» была ориентирована на сдерживание иммиграции, особенно в пределах Дальнего Востока. При этом главным инициатором ограничений выступали сами власти региона.

По инициативе генерал-губернатора Приамурского П. Ф. Унтербергера 12 июля 1908 г. Совет Министров принял постановление «О предоставлении военным губернаторам Приморской, Амурской и Забайкальской областей, а также о Сахалина права непосредственно применять правила об удалении иностранцев за границу». Новый закон позволял местным губернаторам своей властью выселять иностранных подданных и был, в первую очередь, направлен против китайцев и корейцев⁵⁹. Сле-

дующий закон, ограничивающий возможности въезда китайцев, был принят 21 июня 1910 г. Закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» запрещал наем китайцев на государственные предприятия и сдачу им земли в аренду на Дальнем Востоке. Но, даже несмотря на этот запрет, китайцы во втором десятилетии XX в. начали активно привлекаться на предприятия, находившиеся вне районов ограничений. А. П. Петров указывает, что китайцы до Первой мировой войны трудились в Саратовской губернии (6000 чел.), в Харьковской губернии (2000 чел.), Витебской губернии (1000 чел.) и т. д.⁶⁰

В мае 1914 г. директор Горного департамента В. И. Арандаренко писал окружному инженеру Пермского горного округа А. А. Иванову, что в «настоящий момент стали известны случаи поездок специальных агентов в Китай с целью вербовки рабочих для внутренней работы в России. Движение это все более и более разрастается, и приходится опасаться, что эмиграция китайцев, если только не встретит на своем пути препятствий, достигнет громадных размеров»⁶¹.

Однако привлекать для работ китайцев разрешали не всем. В 1913 г. правительство, например, отказало в привлечении китайцев правлению Богословских заводов, сообщая на запрос, что «выписки из Маньчжурии китайцев не может быть осуществлено, как противоречащее политике правительства, направленной к ограничению наплыва желтой расы»⁶².

В апреле 1914 г. Департамент общих дел начал переписку с заинтересованными министерствами по поводу издания общего для всех китайцев в России «иммиграционного законопроекта». Департамент полиции МВД в своем ответном письме указывал, что в стране наблюдается рост ходатайств от региональных властей о высылке за пределы империи китайских подданных. В этой связи Департамент просил при выработке законопроекта «предусмотреть также меры, которые следовало бы принять для воспрепятствования иммиграции иностранцев с Востока в преде-

лы европейской России, не ограничиваясь одними лишь дальневосточными окраинами»⁶³. Позже министр внутренних дел Н. А. Маклаков обращался к председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину с просьбой «возбудить в Совете Министров вопрос о воспрещении найма рабочих китайцев и корейцев для работ на какие бы то ни было фабричные и промышленные предприятия»⁶⁴.

У Министерства иностранных дел, также задействованном в решении данного вопроса, четкой позиции не было: ведомство просто указывало, что необходимо как можно скорей снабдить «нашу полицию более определенными инструментами касательно выдворения китайских граждан из пределов империи»⁶⁵. Новый Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, когда стали известны факты массового прибытия китайцев в Россию, в своей переписке с Советом Министров решительно протестовал против ввоза китайцев. «Китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, – писал он, – ничего кроме вреда не приносит... что же касается политической стороны вопроса, то, будучи непоколебимо стойкими в своей национальной культуре, не теряя духовной связи со своей родиной, оставаясь на чужой стороне верными сынами своего отечества и не чувствуя поэтому решительно никакой потребности ассимилироваться с окружающим его населением, китайцы и с этой стороны являются элементом прямо враждебным»⁶⁶.

В целом, чиновники признавали нежелательность присутствия китайцев на территории страны, но при этом на некоторые частные запросы о разрешении труда китайцев из экономических соображений давались положительные ответы⁶⁷.

1.2.1. Обстоятельства приезда и численность китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны

После начала Первой мировой войны потребность в продукции уральских заводов, обслуживавших нужды фронта, резко увеличилась. При этом многие неквалифицированные рабочие с

уральских заводов были призваны на фронт. Из-за начавшейся мобилизации на предприятиях Пермской губернии обнаружился дефицит рабочих рук. По подсчетам историка А. П. Таняева, в 1915 г. из 135,6 тыс. рабочих Урала по собственному желанию и по призыву на воинскую службу убыло 81,8 тыс. человек⁶⁸. В первые месяцы войны недостаток частично покрывался за счет труда женщин, детей и военнопленных. Однако когда стало очевидно, что этого недостаточно, заводчики стали искать возможности привлечения рабочей силы из-за рубежа, и в первую очередь, – из соседнего Китая.

Частичное разрешение ввоза китайцев в страну из-за начала войны дало властям Пермской губернии основания повторно обратиться в Департамент полиции МВД. В апреле 1915 г. пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский по просьбе управляющего Абамелек-Лазаревских заводов в Пермской губернии Н. Н. Курманова обратился в ведомство с телеграммой, в которой просил «не отказать в возможной поддержке возбужденного углепромышленниками ходатайства [о привлечении китайцев. – М. К.]»⁶⁹. На последовавший запрос Департамента полиции Министерство торговли и промышленности ответило, что «действующим законом пользование китайскими рабочими на Урале не возбраняется»⁷⁰. В результате на телеграмму М. А. Лозина-Лозинского 26 мая 1915 г. из Департамента полиции пришел положительный ответ⁷¹. Позднее Н. Н. Курманов в ответном письме сообщал губернатору, что «лишь с помощью китайских рабочих можно надеяться исполнить наши обязательства по поставкам каменного угля, как казенным, так и частным учреждениям; русских рабочих найти в настоящее время невозможно»⁷².

После положительного ответа на ходатайство копей С. С. Абамелек-Лазарева с соответствующими запросами о найме китайцев в Департамент полиции обратились правления Общества Кыштымских горных заводов (12 августа 1915 г. на 500 человек) и Богословского горного округа (28 августа 1915 г. на 500 человек). Таким образом, к лету 1915 г. был запущен механизм по привлечению китайцев для работ на уральских заводах.

Наймом китайцев для заводов Урала занималось «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество» братьев Г. Б. и Д. Е. Дризиных. Судя по донесению Императорского Российского генерального консульства в Харбине от 31 августа 1915 г., идею заняться организацией труда китайцев братьям Дризиным предложил один из сотрудников местной газеты «Новости жизни» Н. Л. Каплан. Собирая по поручению редактора газеты «Харбинский вестник» сведения и статистические данные о переменах в промышленности в первые три месяца 1915 г., он обнаружил, что промышленность испытывает большой недостаток в рабочих. Это обстоятельство навело его на мысль о привлечении рабочих из Китая. «Идея эта распространилась по городу, и появился целый ряд предприятий, желающих заняться поставкой китайских рабочих», – говорится в донесении⁷³. Сам Каплан предложил сотрудничество двум крупным пайщикам АО «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество» братьям Г. Б. и Д. Е. Дризиным, поскольку их компания имела свои склады в Харбине, Чите, Хабаровске, Благовещенске и в ряде других крупных российских городов, а также на станциях Маньчжурия, Чаньчунь, Мукден, Гирин, Аньдун. Соответственно, у них уже имелась необходимая инфраструктура для перевозки китайцев. После того как было получено соответствующее разрешение, именно Н. Л. Каплан стал их представителем в Екатеринбурге⁷⁴.

В упомянутом донесении Императорского Российского генерального консульства содержится информация и о механизмах найма китайцев. Обычно они вербовались в районах Маньчжурии, Мукдена, Инкоу и Чифу. Находящиеся в этих городах конторы Дризиных заключали с подрядчиками-китайцами договоры об образовании артелей рабочих (от 18 до 45 лет). Когда артель была сформирована, она переправлялась в города Харбин или Инкоу, где размещалась в специально для этого построенных «китайских постоянных дворах». Уже оттуда партиями по 200–250 человек китайцы направлялись в бараки в пригороде Харбина Модягоу (1 барак в среднем – на 1200 человек). Китайцы перед отправкой в Россию подвергались тщательному медосмотру, по-

сле него все рабочие, оказавшиеся негодными, отправлялись домой за счет фирмы. Прошедшие медосмотр регистрировались: фиксировались сведения о месте рождения, возрасте, семейном положении и имеющейся профессии. Зарегистрированные рабочие снабжались паспортами, выдававшимися Цицикарским бюро (г. Цицикар – один из пограничных пунктов Маньчжурии), после чего в сопровождении своих «старшинок» (своего рода контролеров, надзирателей) и переводчика отправлялись к месту назначения поездами партиями в 350–500 человек. Для дальнейшего снабжения рабочих съестными припасами и оказания им содействия в пути у Дризиных имелись агентства в Иркутске, Ачинске, Омске, Тайге, Екатеринбурге, которые служили распределительными пунктами. Отсюда рабочие направлялись непосредственно на заводы. Организация всего дела потребовала от Дризиных первоначальных вложений в размере 12 000 рублей⁷⁵.

С августа 1915 г. первые партии китайцев по 250–300 человек стали прибывать на предприятия Среднего Урала. Всего за годы войны китайцы были привлечены на Княгининские, Половинские и Нижнегубахинские копи завода князя Абамелек-Лазарева; на Чусовской завод Камского акционерного общества, в курени «Широковка», «Мутный», «Кумачиху»; на Верх-Исетский завод; Верх-Тагильское лесничество; Соймановские промыслы; Нижне-Уфалейский завод Акционерного общества (АО) Сергинско-уфалейских заводов; на химический завод АО Шайтанских горных заводов, в АО «Лысьвенский горный округ» наследников графа П. П. Шувалова; на Кыштымские горные заводы; на Нижне-Тагильские чугунно-литейные и медеплавильные заводы; в АО Алапаевского горного округа; на заводы Богословского Горно-Заводского общества⁷⁶.

Точную численность всех китайцев, работавших на Урале в годы Первой мировой войны, невозможно установить по нескольким причинам: число китайцев постоянно менялось в связи с тем, что регулярно прибывали новые партии, а предыдущие по истечении сроков контрактов выезжали; организовать системный подсчет китайцев губернатору не удалось, поскольку единого ор-

гана, куда бы стекалась вся отчетная информация о численности китайцев, не было.

Следует добавить, что на уровне всей страны Особое межведомственное совещание, созданное на основании «Правил о найме и перевозке рабочих желтой расы» от 27 сентября 1916 г., постановило в октябре 1916 г. «просить все заинтересованные ведомства представить хотя бы приблизительные сведения о количестве китайских рабочих, в найме коих для ведомственных работ явится надобность в течение 1917 г.» (то есть до этого времени точных сведений о количестве китайцев не было даже у российского правительства)⁷⁷.

Однако в архивах Урала сохранились некоторые данные о количестве китайцев на отдельных территориях губернии, большинство из которых относится к концу 1916 – началу 1917 г.

Если верить данным переписки заводов с канцелярией губернатора, то в декабре 1916 г. в АО Верх-Исетских заводов было зарегистрировано 840 китайцев (из них на Белореченском руднике – 108, Калатинском руднике – 232, Карпушинском руднике – 55, Егорьинской каменноугольной копи – 49, Режевском лесничестве – 28, Сылвенском лесничестве – 20, Уткинском лесничестве – 100, Верхне-Тагильском лесничестве – 81)⁷⁸.

В Кизеловском горном округе за период с 1914 по 1916 г. трудилось 5 331 китайцев (при том, что из Харбина было отправлено 6 692 китайца, 1 361 сбежали по пути следования)⁷⁹. К концу 1916 г. в округе работало 2 610 человек, из них: на Княжеской копи – 206, на Княгининской – 79, на Коршуновской – 142, на Половинской – 535, на Нижне-Губахинской – 120, на Верхне-Губахинской – 1 327, при заводе – 70, при лесничестве – 131⁸⁰.

В Богословском горном округе на 1 ноября 1917 г. трудилось 2 079 китайцев, в том числе на Надеждинском заводе – 1 260 китайцев (также 1 041 кореец), на Богословской железной дороге – 278, на Ауэрбахских коях – 101, на Пражских коях – 52, на Самсоновских коях – 114, на Богословских

каменноугольных коях – 322, на механическом заводе – 826⁸¹. Кроме этого, известно, что крупные партии китайцев трудились на Нижне-Тагильских и Алапаевских заводах⁸².

Таким образом, общую численность китайцев на Среднем Урале к началу 1917 г. можно оценить в интервале 8–10 тыс. человек. Эта цифра представляется наиболее реальной, поскольку подтверждается документами. Прибывавшие на Урал китайцы получали личные номера. Крайний номер, который удалось обнаружить в архивах, – 9 260⁸³. Необходимо отметить, что исследователи данного периода, оценивая численность китайцев на Среднем Урале в 1916 – начале 1917 г., называют те же цифры⁸⁴.

Несмотря на обширную географию присутствия, доля китайцев в общей массе рабочих, по подсчетам историка А. П. Таяева, была не выше 4%⁸⁵. Однако на некоторых промышленных объектах (Губахинские и Кизеловские копи, Алапаевский и Богословский заводы), где работало до нескольких тысяч китайцев, их роль была весьма существенна.

В конце 1915 г. губернатор Пермской губернии М. А. Лозина-Лозинский подвел первые итоги работы китайцев на Урале в своем ежегодном отчете. Во-первых, он отметил целесообразность привлечения китайцев. В связи с войной, по его словам, доставка рабочих из центральных районов России обходилась дорого и занимала длительное время, тогда как «в соседнем Китае массы разорившихся крестьян не находили себе занятия и голодали... Они приезжали без семей, были нетребовательны к условиям труда и быта, в выборе работы... тем более что цена китайских пришельцев была ниже, чем у русских рабочих»⁸⁶. При этом первоначальный опыт губернатор отметил как неудачный. По его мнению, главная причина неудач заключалась в политике самих промышленников, которые «ставили набрать нужное количество людей, не считаясь ни с непригодностью их к данной работе, не с их наклонностями»⁸⁷.

Когда закончились первые контракты, перед местной властью встала задача организации вывоза китайских рабочих. В частности, исполняющий должность губернатора Пермской губер-